
Е.А. Мельникова

«СОКРОВИЩА БЪЯРМИИ»: ИСТОКИ МОТИВА¹

В рассказах исландских королевских и викингских саг о поездках в Бьярмаланд, как правило, используется мотив сокровищ, хранящихся в святилище бога Йомали, которое грабят викинги. Происхождение мотива неясно, поскольку земли, охватываемые хоронимом Бьярмаланд — Беломорье и Подвинье — крайне бедны находками серебряных изделий и монет. Однако пролонгация Балтийско-Волжского пути на восток во второй половине VIII в. открыла возможности непосредственных контактов скандинавов с Прикамьем, чрезвычайно богатым серебряными изделиями Сасанидского Ирана, Согда, Хорезма, Византии. Связи с Прикамьем северо-запада Восточной Европы и Восточной Скандинавии маркируются распространением в Волховско-Ильменском регионе, на северном побережье Финского залива, в Средней Швеции и на о. Готланд поясов неволинского типа, некоторых видов бус, с одной стороны, и отложением кладов серебряных монет и возникновением крупного ремесленного центра Иднакар на р. Чепца в совр. Удмуртии. Следы пребывания здесь скандинавов могут служить граффити на восточных монетах из найденных здесь кладов, а также влияния на гривны глазовского типа. Рассказы о богатствах Прикамья побывавших здесь скандинавов могли послужить импульсом для формирования мотива о сокровищах, местонахождение которых было перенесено в значительно более знакомый, но все же неопределенный и лежащий на краю ойкумены Бьярмаланд.

Ключевые слова: Бьярмаланд, мотив сокровищ, Прикамье, скандинаво-прикамские связи

Представления о географии Восточной Европы в мусульманском мире — одна из основных тем научного творчества Т.М. Калининой². Важнейшей составной частью этой проблематики является изучение систем коммуникаций, от трансконтинентальных до локальных, связывавших центры и их округу, но также их оценка и как путей передачи информации, и как средства структурирования пространства (см. материалы в кн.: ДГ 2009). Дальние пути античности и средневековья служили также проводниками культурных импульсов и влияний. В нижеследующей заметке,

¹ Статья написана в ходе работы над проектом, поддержанным ОГОН-РФФИ № 18-09-00433\18.

² См. статьи Т.М. Калининой в настоящем томе.

посвященной юбилею Т.М. Калининой, пойдет речь об одном распространенном в древнеисландской литературе мотиве, вероятно, пришедшем в Скандинавию по трансконтинентальному Балтийско-Волжскому пути.

В исландских королевских сагах, написанных в конце XII — XIII в. и повествующих о норвежских конунгах, и в сагах о викингах, посвященных деяниям скандинавов в IX–X вв., неоднократно рассказывается о поездках в Бьярмаланд (*Bjarmaland*). Локализация Бьярмаланда в различных источниках противоречива, а этимология этнонима др.-сканд. *Bjarmar*, др.-англ. *Beormas* спорна. Впервые упоминаемые в рассказе халогаландца Оттара (др.-англ. Охтхере) уэссекскому королю Альфреду Великому о своем плавании на север (кон. IX в.), *Beormas* помещаются им, вероятно, в районе Кандалакшского залива. Скальдические стихи в XI в. и королевские саги отодвигают Бьярмаланд в устье Северной Двины, в большинстве викингских саг (XIII–XIV вв.) его местоположение неопределенно, хотя часто связывается с Подвиньем. Из некоторых сообщений саг и из географических трактатов (XII–XIII вв.) явствует, что в представлениях скандинавов XIII в. Бьярмаланд граничил с Русью (подр. см.: Мельникова 1986. С. 197–200; Jackson 2002; Джаксон 2012. С. 639–641).

В описания, как, вероятно, реальных, так и вымышленных плаваний норвежцев в Беломорье включаются рассказы или упоминания бьярмийских святилищ, в которых хранятся несметные богатства: серебряные украшения, сосуды и монеты. Например, в «Саге об Олаве Святом» Снорри Стурлусон повествует о, по мнению исследователей, действительно имевшей место поездке норвежцев Карли и Торира Собаки в Бьярмию по поручению Олава — за мехами. Викинги проникают в огражденное святилище бога Йомали и набирают золото и серебро, перемешанное с землей в насыпи кургана, сколько могут унести, Торир забирает серебряную чашу, полную серебра, стоящую на коленях статуи Йомали, а Карли срубает драгоценное ожерелье с шеи Йомали (Джаксон 2012. С. 278). В викингской «Саге об Одде Стреле» в какой-то момент своих странствий Одд оказывается в Бьярмаланде, рассчитывая на поживу. Ему рассказывают, что «у реки Вины (Северная Двина. — Е. М.) стоит курган. Он сложен из двух частей, серебра и земли. Туда приносят пригоршню серебра за каждого человека, который покидает этот мир, как и за того, кто в этот мир приходит, и столько же земли» (*Orvarr Odds saga*. Кар. 4). Особенно подробно и неоднократно святилище бьярмов описывается в «Саге о Стурлауге Трудолюбивом». В числе других фантастических приключений Стурлауга в поисках священного рога Урархорна, «полного яда и колдовства», говорится о его набеге на Бьярмаланд, где, как выясняется, и хранится

золотой рог. «...В Бьярмаланде стоит большой храм. Посвященный Тору и Одину, Фригг и Фрейе, он искусно сделан из дорогого дерева. [Одни] двери храма смотрят на северо-запад, а другие — на юго-запад... На почетном месте на возвышении сидит Тор. Прямо перед ними стоял стол, полный серебра... дальше перед Тором лежит Урархорн, такой сияющий, как если смотришь на золото. Он полон яда. Он (Стурлауг. — *Е. М.*) увидел там висящие шахматные фигуры и доску, сделанные из светлого золота. Сверкающие одеяния и золотые кольца были прикреплены к шестам» (Глазырина 1996. С. 150–153). Жители Бьярмаланда в викингских сагах наделяются таким богатством, что жертвенному животному они бросали в пасть «золото и серебро» (Там же. С. 162–163). В викингской «Саге о Боси» Боси и его спутники находят в святилище «столько золота, что его было больше, чем можно унести. Они подошли к алтарю, где сидел Йомали. Они сняли с него золотую корону, выложенную двенадцатью драгоценными камнями, и ожерелье ценой в 300 золотых марок, а с его колен взяли серебряную чашу, столь большую, что и четыре человека не могли бы опустошить ее. Она была полна красного золота...» (*Bósa saga*. Кар. 8). Эти и другие схожие описания и упоминания о богатой добыче, захваченной викингами в Бьярмаланде, не оставляют сомнения в том, что Бьярмаланд ассоциировался с изобилием серебра (упоминания золота встречаются в наиболее поздних сагах) и его скоплением в святилищах Йомали (*Jómali*, финн. *Jumala* — небесное божество в общезинской мифологии). Г.В. Глазырина справедливо выделила повествования о сокровищах бьярмов в качестве особого литературного мотива, имевшего широкое хождение в скандинавском обществе (Глазырина 1993), и предположила, что описание языческого храма в Упсале у Адама Бременского послужило источником для соответствующего повествования в «Саге о Стурлауге Трудолюбивом», где упоминаются идолы Тора и Одина, — в противоположность всем другим рассказам, где речь идет о святилище Йомали (Глазырина 1996. С. 184–185, примеч. 97).

Однако Беломорье, Подвинье и Заволочье — области, которые могли охватываться хоронимом Бьярмаланд, — крайне бедны серебром: находки серебряных изделий и монет здесь единичны. Эти регионы славились пушниной, за которой и посылает Торира Собаку Олав Харальдссон, а отнюдь не концентрацией восточных монет или изделий из драгоценных металлов. Реальные поездки скандинавов в Бьярмаланд, таким образом, отразились в рассказах о сражениях викингов с местными жителями, но они никак не могли породить мотив о сокровищах Бьярмаланда. Тем не менее, в саговой литературе, а, значит, и в

представлениях, бытовавших в исландском (по меньшей мере) обществе, Бьярмаланд прочно ассоциировался с несметными сокровищами.

Подобного рода мотивы, широко представленные в сагах, особенно викингских, допускавших включение фольклорных сюжетов и мотивов, не возникали на пустом месте, а в той или иной степени и форме отражали некие реалии или явления (Мельникова 2020). Вряд ли игрой воображения был и мотив «сокровищ Бьярмаланда». Вероятнее, что в своих поездках на северо-восток Восточной Европы, охватываемый расплывчатым хоронимом Бьярмаланд, скандинавы, хотя бы изредка, попадали в регионы, действительно насыщенные серебряными изделиями и монетами. Таким регионом, прежде всего, было Прикамье, где в изобилии (более 100 кладов) представлены серебряные изделия, сосуды, посуда, из Сасанидского Ирана (до 75%: Белавин 2013. С. 51–32), Согда, Хорезма, Хорасана, Византии (Даркевич 1976; Белавин 2013; Goldina, Goldina 2018. P. 173). Однако северо-восточный участок Балтийско-Волжского пути, с которым связан этот регион, мало привлекал внимание скандинавистов.

Исследование Балтийско-Волжского пути имеет давнюю и обширную традицию (Загоскин 1910; Дубов 1989; Коновалова, Мельникова 2018. С. 51–75), и его кардинальное значение для экономического и социального развития народов Восточной Европы и Скандинавии общепризнано. Детально исследованы и отдельные его участки, особенно на северо-западе Восточной Европы на отрезке Ладожское озеро — Верхняя Волга (Носов 1976; Исланова 1994; Носов 1999 и др.), где особо отмечается множественность возможных переходов из Ладожского озера и оз. Ильмень на Волгу (Леонтьев, Носов 2012. С. 394–395). Второй хорошо изученный участок, которому традиционно отводится главная роль в выходе из Приильменя на Среднюю Волгу, — от Ярославского Поволжья через Волго-Окское междуречье на Оку (Там же. С. 395). Этот путь хорошо документирован кладами восточных монет, скандинавскими древностями и импортами, несколькими торгово-ремесленными центрами (Коновалова, Мельникова 2018. С. 73–76). По общему мнению, магистральный путь из Волховско-Ильменского региона достигал Ярославского Поволжья с крупными торговыми центрами у дер. Тимерёво, Михайловское и Петровское, а затем сворачивал на юг, на Оку. Северо-восточный участок Волги, вплоть до Булгара, по общему мнению, практически не использовался, и археологические следы функционирования крупного торгового пути здесь отсутствуют (Там же. С. 70–71; Леонтьев, Носов 2012. С. 395).

Однако это не совсем так. В Костромском Заволжье известно несколько синхронных, как правило неукрепленных поселений небольшо-

го размера, расположенных на некотором удалении от крупных водных путей на небольших речках, но обнаруживающих следы развитого ремесленного производства и присутствие импортных изделий. С.Д. Захаров отмечает их чрезвычайное сходство с городищем Крутик на Белом озере на раннем этапе его существования — во второй половине IX в. (Захаров 2012. С. 232). Это поселение Унорож в бассейне р. Вёкса (Рябинин 1992), Дурасовское городище на р. Стережа под Костромой (Там же), возможно, Поповское городище на р. Унже. На городище Унорож найдены предметы балтийского происхождения и дирхемы начала X в. (Леонтьев, Носов 2012. С. 395, примеч. 2). По мнению С.Д. Захарова, «как и в случае с Крутиком, можно обоснованно полагать, что основным источником материального благосостояния и наличия большого количества привозных изделий в руках местных жителей был пушной промысел» (Захаров 2012. С. 232). Добыча пушнины в значительных размерах была важнейшим средством включения местного населения в систему международной торговли по Волжскому пути в IX–X вв.: меха, наряду с рабами, были основным предметом экспорта на восток. Вероятно, поставлявшие в торговую сеть пушнину, эти поселения входили в зону Волжского пути и находились на его ответвлениях, как, например, городище Унорож, которое предположительно стояло на пути по р. Костроме к Галичскому озеру (Леонтьев, Носов 2012. С. 395). Разветвленная речная сеть на левобережье Волги к востоку от Ярославского Поволжья создавала благоприятные условия для доставки пушнины к центральной магистрали. Однако на самой Волге к востоку от Ярославля торговых центров, где добытые меха могли бы сбываться, не обнаружено.

Вместе с тем о возможном использовании этого участка пути говорят другой комплекс материалов. В топографии кладов IX в. выделяется достаточно представительное скопление кладов арабских дирхемов далеко к востоку от Ярославского Поволжья — в Прикамье³ (см. карту).

Это — самый восточный комплекс IX в. в ареале арабского серебра в Восточной Европе. Он состоит из пяти кладов, два из которых найдены на территории Кировской области и три — в Удмуртии (см. обзор: Седых 2004). По младшей монете все клады датируются концом VIII — первой половиной IX в. Самый ранний из них современен ладожским: он содержит младшую монету 784/785 г. (г. Глазов, городище Иднакар:

³ Кладов второй половины IX в. в Прикамье не найдено. X в. представлен четырьмя кладами с большим разбросом как во времени, так и в пространстве: 900-х гг. (Верхотурье; Гомзин 2012. № 8), 910–920-х гг. (Богдановская; Гомзин 2012. № 15), 970–990-х гг. (Рябиновское; Гомзин 2012. № 86), X в. без точной датировки (Горбуново; Гомзин 2012. № 125).

Кулешов 2012. № 87). Единственная определенная монета из клада в Лелеки чеканена в 802/803 г. (Noonan 1981. № 5; Кулешов 2012. № 39), младшая монета из Вятского клада — в 835 г. (Noonan 1981. № 35; Кулешов 2012. № 37), Лесогуртского клада — в 841/842 г. (Noonan 1981. № 39; Кулешов 2012. № 39) и из клада из Ягошур (1500 дирхемов) — в 842/843 г. (Noonan 1981. № 40; Кулешов 2012.

№ 44). Клады расположены цепочкой вдоль р. Чепцы с выходом в междуречье Вятки и Ветлуги и как бы маркируют путь из верховьев Камы и Вятки в бассейн Волги. Вряд ли подобное скопление кладов, компактных по хронологии их отложения — конец IX — первая половина X в., — можно считать случайным, как и возникновение в IX в. крупнейшего в регионе городища Иднакар (Иванова 1998). Не имевший, как полагают его исследователи, политического значения, Иднакар был развитым ремесленным центром, окруженным сельскохозяйственной и промысловой округой, и занимал важное стратегическое положение. На территории городища был найден и один из кладов дирхемов — Глазовский, содержащий 47 монет. Все эти данные с большой вероятностью указывают на включение региона в сложившуюся к этому времени систему международной торговли по Балтийско-Волжскому пути с начала IX в. Его вкладом была пушнина и ремесленные изделия. Вряд ли можно полагать, что активные участники этой торговли, скандинавы, полностью игнорировали возможности этого региона, тем более, что западные связи Верхнего Прикамья, распространявшиеся вплоть до Средней Швеции, зародились существенно раньше⁴ (Голдина, Голдина 1997; Goldina, Goldina 2018).

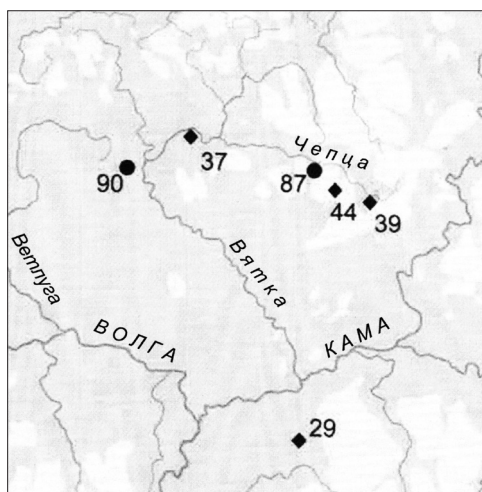

Рис. 1. Клады восточных монет IX в. в Прикамье: ● — клады 800–810-х гг.; ◆ — клады 820–840-х гг.

Fig. 1. Hoards of Oriental Coins of the 9th century in Prikamye: ● — Hoards of the 800–810s; ◆ — Hoards of the 820s — 840s.

⁴ По предположению Д.А. Мачинского и В.С. Кулешова, исходивших прежде всего из сообщения Иордана о «державе Германариха», путь из Центральной Швеции через Приладожье в Прикамье возник не позднее II в. и интенсивно функционировал во второй половине IV — первой половине VI в. (Мачинский,

Фрагменты характерных для неволинской культуры наборных поясов, датированных второй половиной VII — VIII в., известны в Тимерёве, Ладогe, в южной Финляндии и Средней Швеции (Крыласова, Белавин 2001; Goldina, Goldina 2018). Древнейшая их находка происходит из одного из «королевских» курганов Старой Упсалы (Мейнандер 1979. С. 36–37). К настоящему времени известно 19 находок деталей неволинских поясов на северном побережье Финского залива (Босенко 2007. С. 81; Goldina, Goldina 2018. Р. 170), причем все они связаны с мужскими захоронениями, вероятно воинскими, — в рамках неволинской культуры это были женские пояса, наделенные сакральными функциями. Предполагается, что и вне ареала неволинской культуры пояса или их детали сохраняли сакральное значение, хотя и изменившее гендерную принадлежность, но с уверенностью, думается, можно говорить прежде всего о престижности и статусности этих серебряных предметов.

Другим ярким показателем западных, включая Скандинавию, связей Верхнего Прикамья являются бусы. Три выделенных Ю. Калльмером типа бус, имеющих ближневосточное происхождение, миллефиори с желто-красным глазком и темно- или светло-зелеными лучами, «аметистовые» круглые и сердоликовые сферические, встречаются на Кавказе, Дону, Волге, Каме и в Скандинавских странах, прежде всего, в Средней Швеции. Первые из них — древнейшие восточные бусы в Балтийском регионе, поступление которых началось с последней четверти VIII в. (Callmer 1989. Р. 27–29; см. также карты в: Goldina, Goldina 2018. Р. 175–176, fig. 5–7). В самом же Прикамье все эти типы восточных бус появляются существенно раньше, чем в Скандинавии, уже в VI в., и они имели хождение вплоть до начала IX в. (Goldina, Goldina 2018. Р. 176).

По мнению всех исследователей, приток неволинских поясов и ближневосточных бус из Прикамья в Скандинавию позволяет «с уверенностью говорить о контактах неволинского и скандинавского населения в VII–VIII вв. Вероятнее всего, эти контакты носили характер торгового обмена» (Босенко 2007. С. 81) и были связаны с дальнейшей торговлей в лесной зоне Восточной Европы с выходом в Скандинавию (Callmer 1989. Р. 25, 34–35; Goldina, Goldina 2018. Р. 177). Важнейшим фактором, обеспечивавшим региону участие в международной торговле, была пушнина. Ее добыча, судя по остеологическим материалам, носила «рыночный» характер: кости пушных зверей (бобра, медведя, лисы, белки, выдры и др.) составляют 50–70% все диких животных, а

Кулешов 2004. С. 67). Согласно исследованию С.В. Кузьминых, контакты Прикамья с северо-западом Восточной Европы были установлены уже в середине I тыс. до н.э. (Кузьминых 1983).

на городище Иднакар на р. Чепца кости бобра образуют 44,6% костей всех животных и 54,6% диких животных (Goldina, Goldina 2018. P. 166). Также в торговую сеть попадали и изделия прикамских ремесленников, прежде всего те же неволинские пояса, глазовские гривны и др.

Отсутствие собственно скандинавских древностей в Прикамье, которые появляются в незначительном количестве в IX–X вв., дает основание «надеяться, что именно они (носители неволинской культуры. — *Е. М.*) освоили в это время Волго-Балтийский торговый путь, который в конце VIII — IX в. превратился в полноводную трансевропейскую магистраль, снабжавшую Скандинавию восточным серебром» (Голдина, Голдина 1997. С. 13). Однако некоторые следы пребывания скандинавов в Прикамье все же есть. На ряде восточных монет из перечисленных кладов Прикамья выявлены граффити разных типов, в том числе свастики и руноподобные знаки (Hårdt 2016. P. 39–44). Некоторые исследователи усматривают скандинавское влияние на происхождение — в целом местное — серебряных гривен так наз. глазовского типа, которые имели наибольшее распространение в Прикамье (их ареал захватывает и Волго-Окское междуречье; см.: Иванов 1998. С. 75; Hårdt 2016). Они существуют с неволинскими поясами и продолжают бытовать во второй половине VIII — IX, доживая до начала XI в. (Зеленцова 2018. С. 320). Гривны этого типа часто входят в состав денежно-вещевых кладов, например, Лесогурского клада (список кладов см.: Иванов 1998. С. 75) и имеют стандартный вес 200 и 100 г, что дает основания считать их не столько украшениями, сколько платежными средствами в трансевропейской торговле пушниной (Иванов 1998. С. 76; Hårdt 2016. P. 65; Callmer 2015. С. 16). В качестве крупного средства платежа гривны глазовского типа достигали Балтийского региона, и их находки отмечены в Дании, на о. Эланд и Готланд, а также в северном Голштейне (Hårdt 2016. P. 13–19).

Эти находки и наблюдения позволяют предполагать проникновение скандинавов в Прикамье, однако их поездки в этот отдаленный регион вряд ли могли быть регулярными и масштабными. Именно поэтому на северо-восточном участке Балтийско-Волжского пути⁵ необходимости в стационарных торговых центрах и крупных стоянках для купцов

⁵ «Пермский путь» на запад мог иметь различные маршруты как по Вятке — Каме — Волге, так и севернее — с волоковыми переходами с Вятки на Ветлугу и через приток Волги Унжу, впадающую в Волгу немного восточнее Ярославского Поволжья, или же через Каму — Волгу — Шексну — Белое оз. — Ковжу — Вытегру и Свирь в Ладожское озеро и далее через Неву в Финский залив. Этот последний путь отмечен находкой фрагментов не менее 5 неволинских поясов на р. Андога (бассейн Шексны) (Goldina, Goldina 2018. P. 171).

не возникало. Однако личное знакомство пусть и немногочисленных скандинавских купцов, побывавших в Прикамье, с изобилием здесь серебра должно было вылиться в рассказы о несметных сокровищах далеких земель. Воспоминания очевидцев давали импульс к формированию представлений, отразившихся позднее в виде мотива о богатстве этих земель. Перенос места пребывания «сокровищ» в Бьярмаланд был вполне закономерен: значительно более знакомый скандинавам, но также достаточно туманный и расплывчатый регион охватывал земли на северо-восточной окраине обитаемого мира — «от Бьярмаланда лежит незаселенная земля» сообщает географический трактат, написанный не позднее первой половины XIV в. (Мельникова 1986. С. 159). Замене Прикамья Бьярмаландом способствовало сходство природных условий (тайга), языковая принадлежность местных жителей к финно-угорской группе, но, прежде всего, общее направление маршрута, что в древнескандинавской системе ориентации в пространстве имело особенно важное значение.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Белафин А.М.* «Серебро закамское» в истории и археологии пермского Предуралья // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2013, № 2. С. 50–61. [*Belavin A.M.* «Serebro zakamskoe» v istorii i arheologii permskogo Predural'ya (Beyond-the-Kama Silver' in the History and Archaeology of the Perm' Pre-Urals) // Vestnik Permskogo nauchnogo centra UrO RAN. 2013, № 2. S. 50–61.]
- Босенко И.В.* Этнокультурные связи неволинской культуры (по материалам бронзовых украшений) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Пермь, 2007. Вып. 4. С. 76–83. [*Belavin A.M.* Etnokul'turnye svyazi nevolinskoj kul'tury (po materialam bronzovyh ukrashenij) (Ethno-cultural Connections of the Nevolin Archaeological Culture (on the Basis of Bronze Ornaments)) // Trudy Kamskoj arheologo-etnograficheskoj ekspeditsii. Perm, 2007. Vol. 4. S. 76–83.]
- Великий Волжский путь. Мат-лы Круглого стола и междунар. науч. семинара (Казань, 28–29 августа 2000 г.) / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань, 2001. [*Velikij Volzhskij put'*. Mat-ly Kruglogo stola i mezhdunarodnogo nauchnogo seminar (The Great Volga Route. Materials of the Round Table and International Scientific Seminar. Kazan, August, 28–29, 2000) / Ed. by F.Sh. Huzin. Kazan, 2001.]
- Глазырина Г.В.* Викинги в святилище бьярмов. Трансформация сюжета в исландских сагах // XII конф-ция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. М., 1993. Т. I. С. 84–86. [*Glazyrina G.V.* Vikingi v svyatilishche b'yarmov. Transformaciya syuzheta v islandskih sagah (Vikings in the Sanctuary of the Bjarms: Transformation of the Story in

- Icelandic Sagas) // XII konferenciya po izucheniyu istorii, ekonomiki, literatury i yazyka Skandinavskih stran i Finlyandii. Moscow, 1993. T. I. S. 84–86.]
- Глазырина Г.В.* Исландские викингские саги о Северной Руси. М., 1996. [*Glazyrina G.V.* Islandskie vikingskie sagi o Severnoj Rusi (Icelandic Vikings' Sagas on Northern Rus'). Moscow, 1996.]
- Голдина Р.Д., Голдина Е.В.* Скандинавия и Верхнее Прикамье: контакты во второй половине I тыс. н. э. // Шведы и Русский Север / Отв. ред. В.В. Низов. Киров, 1997. С. 5–23. [*Goldina R.D., Goldina E.V.* Skandinaviya i Verhnee Prikam'e: kontakty vo vtoroj polovine I tys. n. e. (Scandinavia and the Upper Kama Region: Contacts in the Second Half the 1st Millennium AD) // Shvedy i Russkij Sever / Ed. by V.V. Nizov. Kirov, 1997. S. 5–23.]
- Гомзин А.А.* Карта восточноевропейских кладов куваческих монет X–XI вв. // Русь в IX–X вв.: Археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М., 2012. С. 390–393. [*Gomzin A.A.* Karta vostochnoevropskikh kladov kuficheskikh monet X–XI vv. (Map of the East-European Hoards of Cufic Coins of the 10th and 11th Centuries) // Rus' v IX–X vv.: Arheologicheskaya Panorama / Ed. by N.A. Makarov. Moscow, 2012. S. 390–393.]
- Даркевич В.П.* Художественный металл Востока VIII–XIII вв.: Произведения восточной торетики на территории Европейской части СССР и Зауралья. М., 1976. [*Darkevich V.P.* Hudozhestvennyj metall Vostoka VIII–XIII vv.: Proizvedeniya vostochnoj toreтики na territorii Evropejskoj chasti SSSR i Zaural'ya (Artistic Oriental Metal of the 8th–13th Centuries: Products of Oriental Toreutics in the European Part of the USSR). Moscow, 1976.]
- Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. 2-е изд. М., 2012. [*Jackson T.N.* Islandskie korolevskie sagi o Vostochnoj Evrope (Icelandic Kings' Sagas on Eastern Europe). 2-e izd. Moscow, 2012.]
- Древнейшие государства Восточной Европы, 2003 г.: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен / Отв. ред. тома Т.Н. Джаксон. М., 2009. [*Drevnejshie Gosudarstva Vostochnoj Evropy, 2003: Transkontinental'nye i lokal'nye puti kak sociokul'turnyj fenomen (Ancient States of Eastern Europe, 2003: Transcontinental and Local Routes as a Socio-cultural Phenomenon) / Ed. by T.N. Jackson. Moscow, 2009.]*
- Дубов И.В.* Великий Волжский путь. Л., 1989. [*Dubov I.V.* Velikij Volzhskij put' (The Great Volga Route). Leningrad, 1989.]
- Загоскин Н.П.* Русские водные пути и судовое дело в до-петровской России. Казань, 1910. [*Zagoskin N.P.* Russkie vodnye puti i sudovoe delo v do-petrovskoj Rossii (Russian Water-ways and Ship Production in the Pre-Peter the Great Russia). Kazan, 1910.]
- Захаров С.Д.* Белоозеро // Русь в IX–X вв.: Археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М., 2012. С. 212–239. [*Zaharov S.D.* Beloozero // Rus' v IX–X vv.: Arheologicheskaya panorama / Ed. by N.A. Makarov. Moscow, 2012. S. 212–239.]
- Зеленцова О.В.* О ранней дате и месте гривен глазовского типа в древностях поволжских финнов // Земли родной минувшая судьба... К юбилею

- А.Е. Леонтьева. М., 2018. С. 314–322. [*Zelencova O.V.* O rannej date i meste griven glazovskogo tipa v drevnostyah povolzhskih finnov (On the Early Date and the Place of Glazov Type Neck-Rings in the Antiquities of the Volga-Region Finns) // *Zemli rodnoj minuvshaya sud'ba...* K yubileyu A.E. Leont'eva. Moscow, 2018. S. 314–322.]
- Иванов А.Г.* Этнокультурные и экономические связи населения бассейна Чепцы в эпоху средневековья. Ижевск, 1998. [*Ivanov A.G.* Etnokul'turnye i ekonomicheskie svyazi naseleniya bassejna Chepcy v epohu srednevekov'ya (Ethno-cultural and Economic Connections of the Population of the Chepts Basin in the Middle Ages). Izhevsk, 1998.]
- Иванова М.Г.* Иднакар: древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск, 1998. [*Ivanova M.G.* Idnakar: drevneudmurtское gorodishche IX–XIII vv. (Idnakar: an Old Udmurtian Fortified Site of the 9th–13th Centuries). Izhevsk, 1998.]
- Исланова И.В.* Водные пути в восточной части Новгородской земли в IX–XIII вв. // РА. 1994, № 1. С. 26–32. [*Islanova I.V.* Vodnye puti v vostochnoj chasti Novgorodskoj zemli v IX–XIII vv. (Water Ways in the Eastern Part of the Novgorod Land in the 9th–13th Centuries) // *Rossijskaya arheologiya*. 1994, № 1. S. 26–32.]
- Коновалова И.Г., Мельникова Е.А.* Древняя Русь в системе евразийских коммуникаций IX–X веков. М., 2018. [*Konvalova I.G., Melnikova E.A.* Drevnyaya Rus' v sisteme evrazijskih kommunikacij IX–X vekov (Ancient Rus' in the System of Eurasian Communications of the 9th and 10th Centuries). Moscow, 2018.]
- Крыласова Н.Б., Белавин А.М.* Неволинские пояса в системе международных связей // Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги в первом тысячелетии христианской эры. В чтения памяти А. Мачинской. СПб., 2001. С. 88–94. [*Krylasova N.B., Belavin A.M.* Nevolinskie poyasa v sisteme mezhdunarodnyh svyazej (Nevolin Belts in the System of International Connections) // *Migracii i osedlost' ot Dunaya do Ladogi v pervom tysyacheletii hristianskoj ery. V chteniya pamyati A. Machinskoj*. St.-Petersburg, 2001. S. 88–94.]
- Кузьминых С.В.* Metallургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М., 1983. [*Kuz'minyh S.V.* Metallurgiya Volgo-Kam'ya v rannem zheleznom veke (med' i bronza) (Metallurgy of the Volga-Kama Region in the Early Iron Age (Copper and Bronze)). Moscow, 1983.]
- Кулешов В.С.* Карта восточноевропейских кладов куфических монет VIII–IX вв. // Русь в IX–X вв.: Археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М., 2012. С. 387–388. [*Kuleshov V.S.* Karta Vostochnoevropijskih kladov kuficheskikh monet VIII–IX vv. (Map of the East-European Hoards of Cufic Coins of the 8th and 9th Centuries) // *Rus' v IX–X vv.: Arheologicheskaya panorama* / Ed. by N.A. Makarov. Moscow, 2012. S. 387–388.]
- Леонтьев А.Е.* Волжско-Балтийский торговый путь в IX в. // КСИА. 1986. Вып. 183. С. 3–9. [*Leont'ev A.E.* Volzhsko-Baltijskij torgovuj put' v IX v. (Baltic-Volga Trade Route in the 9th Century) // *Kratkie soobshcheniya instituta arheologii*. 1986. Vol. 183. S. 3–9.]
- Леонтьев А.Е., Носов Е.Н.* Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII–X в. // Русь в IX–X вв.: Археологическая панорама / Отв. ред.

- Н.А. Макаров. М., 2012. С. 383–401. [*Leont'ev A.E., Nosov E.N. Vostochnoevropejskie puti soobshcheniya i torgovye svyazi v konce VIII–X v. (East-European Communications and Trade Connections in the Late 8th to 10th Century) // Rus' v IX–X vv.: Arheologicheskaya panorama / Ed. by N.A. Makarov. Moscow, 2012. S. 383–401.]*
- Мачинский Д.А., Кулешов В.С.* Северные народы середины IV — первой половины VI в. в «Getica» Иордана // Ладога и Глеб Лебедев. VIII чтения памяти А. Мачинской / Науч. ред. Д.А. Мачинский. СПб., 2004. С. 26–72. [*Machinskij D.A., Kuleshov V.S. Severnye narody serediny IV — pervoj poloviny VI vv. v «Getica» Iordana (Northern People of the Mid-4th — First Half of the 6th Century in Jordanes's Getica) // Ladoga i Gleb Lebedev. VIII chteniya pamyati A. Machinskij / Ed. by D.A. Machinskij. St.-Petersburg, 2004. S. 26–72.]*
- Международные связи, торговые пути и города средневекового Поволжья IX–XII веков. Мат-лы междунар. симпозиума (Казань, 8–10 сентября 1999 г.) / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань, 1999. [*Mezhdunarodnye svyazi, torgovye puti i goroda srednevekovogo Povolzh'ya IX–XII vekov (International Connections, Trade Routes, and Towns of the Medieval Volga Region in the 9th–12th Centuries). Materials of the International Symposium (Kazan, September 8–10, 1999) / Ed. by F.Sh. Huzin. Kazan, 1999.]*
- Мейнандер К.Ф.* Биармы // Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 35–40. [*Mejnander K.F. Biarmy (The Bjarms) // Finno-ugry i slavyane. Leningrad, 1979. S. 35–40.]*
- Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. М., 1986. [*Melnikova E.A. Drevneskandinavskie geograficheskie sochineniya (Old Scandinavian Geographical Treatises). Moscow, 1986.]*
- Мельникова Е.А.* Балтийско-Волжский путь в ранней истории Восточной Европы // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков: Мат-лы междунар. симпозиума (Казань, 8–10 сентября 1998 г.). Казань, 1999. С. 80–87. [*Melnikova E.A. Baltijsko-Volzhsij put' v rannej istorii Vostochnoj Evropy (The Baltic-Volga Route in the Early History of Eastern Europe) // Mezhdunarodnye svyazi, torgovye puti i goroda Srednego Povolzh'ya IX–XII vekov: Materialy mezhdunar. simpoziuma (Kazan, 8–10 september 1998). Kazan, 1999. S. 80–87.]*
- Мельникова Е.А.* Мотив как форма репрезентации исторической памяти: Скандинавы в Восточной Европе в IX–X вв. в отражении древнеисландских викингских саг // *Arbog mundi: Vestnik RGGU. Ser.: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kulturologiya.* 2020, № 1. С. 26–40. [*Melnikova E.A. Motiv kak forma reprezentacii istoricheskoi pamyati: Skandinav v Vostochnoj Evrope v IX–X vv. v otrazhenii drevneislandskih vikingskih sag (Motif as a Form of the Representation of Historical Memory: Scandinavians in Eastern Europe in the 9th and 10th Centuries as Depicted in the Old Icelandic 'Viking' Sagas) // Arbog mundi: Vestnik RGGU. Ser.: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya. 2020, № 1. S. 26–40.]*
- Носов Е.Н.* Нумизматические данные о северной части балтийско-волжского пути конца VIII–IX вв. // Вспомогательные исторические дисциплины.

1976. Вып. 8. С. 95–110. [*Nosov E.N.* Numizmaticheskie dannye o severnoj chasti baltijsko-volzhsкого пути конца VIII–IX vv. (Numismatic Evidences on the Northern Part of the Baltic-Volga Route in the Late 8th and 9th Centuries) // *Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny*. 1976. Vol. 8. S. 95–110.]
- Носов Е.Н.* Речная сеть Восточной Европы и ее роль в образовании городских центров Северной Руси // *Великий Новгород в истории средневековой Европы*. М., 1999. С. 157–170. [*Nosov E.N.* Rechnaya set' Vostochnoj Evropy i eyo rol' v obrazovanii gorodskih centrov Severnoj Rusi (River Network of Eastern Europe and its Role in the Emergence of Towns in Northern Rus') // *Velikij Novgorod v istorii srednevekovoj Evropy*. Moscow, 1999. S. 157–170.]
- Седых В.Н.* О находках сасанидских и куфических монет на территории Удмуртии (материалы к топографии) // XII Всеросс. нумизматическая конф. (Москва, 19–24 апреля 2004 г.). М., 2004. С. 55–57. [*Sedyh V.N.* O nahodkah sasanidskih i kuficheskikh monet na territorii Udmurtii (materialy k topografii) (On the Finds of Sasanian and Cufic Coins in Udmurtia) // XII Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferenciya (Moscow, 19–24 april 2004). Moscow, 2004. S. 55–57.]
- Bósa saga ok Herrauðs / Guðni Jónsson og Bjarni Víkhjálmsón gaf út. URL: http://www.heimskringla.no/wiki/B%C3%B3sa_saga_ok_Herrau%C3%B0s (последнее обращение: 10.09.2020).
- Callmer J.* The Beginning of the East European Trade Connections of Scandinavia and the Baltic Region in the 8th and 9th Centuries A.D. // *International Conference on Early Middle Ages*. Szeksard, 1989. P. 19–51.
- Callmer J.* The Background and the Early History of the Neck Rings of the Glazov Type (Also Called Permian) and the Beginning of East-West Connections in Early Medieval Northern Europe in the 8th and 9th Centuries // *Small Things Wide Horizons. Studies in honour of B. Hårdt*. Oxford, 2015. P. 13–19.
- Goldina E., Goldina R.* On North-Western Contacts of Perm Finns in the VII–VIII Centuries // *Estonian Journal of Archaeology*. 2018. Vol. 22/2. P. 163–180.
- Hårdt B.* The Perm'/Glazov Rings. Contacts and Economy in the Viking Age between Russia and the Baltic Region (*Acta archaeologica lundensia*. Ser. in 8, № 67). Lund, 2016.
- Jackson T.N.* Bjarmaland Revisited // *Acta Borealia*. 2002, № 2. P. 165–179.
- Noonan Th.* Ninth-Century Dirham Hoards from European Russia: A Preliminary Analysis // *Viking-Age Coinage in the Northern Lands: The Sixth Oxford Symposium on Coinage and Monetary History* / Ed. by M.A.S. Blackburn and D.M. Metcalf (*British Archaeological Reports, International Series 122*). Oxford, 1981. P. 47–117.
- Orvarr Odds saga // URL: <https://www.snerpa.is/net/forn/orvar.htm> (последнее обращение: 10.09.2020)

THE ‘TREASURES OF BJARMALAND’: THE SOURCES
OF A NARRATIVE MOTIF

Tales about voyages of Scandinavians to Bjarmaland in Icelandic Kings’ and Vikings’ sagas include, as a rule, a motif of treasures preserved in the sanctuary of god Jómali which is pillaged by the Vikings. The origin of the motif is unclear as the territories covered by the land-name *Bjarmaland*, i. e. regions near the White Sea and along the Northern Dvina, are especially poor in silver. The prolongation of the Baltic-Volga route eastward in the second half of the eighth century opened possibilities of direct contacts of Scandinavians with the Kama region which was exclusively rich in silver goods from Sasanian Iran, Sogd, Khwarazm and Byzantium. The connections of the Kama region with the North-West of Eastern Europe and Eastern Scandinavia are marked by the spread of Nevolin-type belts, and several types of Eastern beads in the Volkhov-II’men’ region, on the northern shore of the Finnish gulf, in Central Sweden, and on Gotland, on the one hand, and the deposition of hoards of Islamic coins and the emergence of a large production centre of Idnakar on the river Cheptsa in modern Udmurtia, on the other hand. Graffiti (swastikas and runelike signs) as well as a supposed Scandinavian influence on the formation of neck rings of the Glazov type are slight remains of voyages of Scandinavians to the Kama region. Retellings of those who visited the region about its riches could stimulate the formation of the motif about the treasures in a far-away land in the North-East. The localization of the ‘land of treasure’ in Bjarmaland, better but not closely known, was all the easier as it was thought to be the farthest among the habitable lands.

Keywords: Bjarmaland, “treasure” motif, the Kama region, connections between the Kama region and Scandinavia

DOI: 10.32608/1560-1382-2021-42-569-582